

М.В.Панов - социолингвист

Социологический подход к изучению языка издавна был присущ отечественной лингвистике. Достаточно вспомнить И.А.Бодуэна де Куртене с его идеей "горизонтального" (т.е. территориального) и "вертикального" (социального) членения языка, с его вниманием к социально ограниченным языковым образованиям. Продолжением и развитием идей И.А.Бодуэна де Куртене явились работы Е.Д.Поливанова, который, как известно, замыслил создание особой дисциплины - социологической лингвистики - и в развитие этой дисциплины опубликовал целую серию статей о социально обусловленных изменениях в русском языке послеоктябрьского периода, о социально-групповых диалектах, методологии анализа языковых фактов под социальным углом зрения и др. (см. об этом Крысин 1981).

По сути социолингвистическими являются и некоторые работы Л.П.Якубинского, А.М.Селищева, Б.А.Ларина, Г.О.Винокура, В.В.Виноградова, В.М.Жирмунского, Р.О.Шор, М.Н.Петерсона, М.М.Бахтина (обзор этих работ см. Баранникова 1970, Гужман 1972, Орлов 1969).

Этот ряд блестящих имен прошлого должен быть продолжен именем нашего современника - Михаила Викторовича Панова.

В его работах мы находим не только развитие и дальнейшую разработку идей предшественников, прежде всего И.А.Бодуэна де Куртене и Е.Д.Поливанова, но и новаторство в осмыслении языковых фактов в связи с социальными процессами и отношениями. Это новаторство проявилось в двух направлениях - в истолковании изменений, которые претерпел за последние десятилетия русский язык, и в разработке методики изучения современной речи, ее "социальной паспортизации". Первое направление, как это вполне очевидно, касается эволюции, развития языка, второе - его функционирования в обществе.

Что же нового внес М.В.Панов в диахроническую и синхроническую интерпретацию языковых явлений? Чтобы ответить на этот вопрос, остановимся кратко на характеристике разработанной М.В.Пановым теорией антиномий языково-

I

Мысль о связи развития языка с развитием общества давно стала в лингвистике общим местом, своего рода аксиомой: ясно, что, существуя в обществе, обслуживая его коммуникативные нужды, язык не может быть свободен от социальных влияний. В большинстве работ прошлого эта мысль так или иначе и л л ю - с т р и р о в а л а с ь материалом, характеризовавшим развитие конкретных языков. Иначе говоря, "общее место", аксиома воплощалась в некоторый набор фактов. Однако никакой социально ориентированной т е о р и и языковой эволюции при этом не возникало: описание конкретных изменений, даже "привязанное" к определенным социальным сдвигам, сохраняло фактографичность, атомарность.

М.В. Панов предложил рассматривать эволюцию языка в русле основного закона диалектики - закона единства и борьбы противоположностей. В такой формулировке предложение выглядит тривиальным. Однако ученый убедительно показывает, что в языке указанный закон получает качественно своеобразное воплощение - в виде так называемых а н т и н о м и й .

Важнейшие из антиномий следующие: антиномия говорящего и слушающего, системы и нормы, кода и текста, регулярности и экспрессивности. На каждом конкретном этапе развития языка антиномии разрешаются в пользу то одного, то другого из противоборствующих начал, что ведет к возникновению новых противоречий, и т.д. - окончательное разрешение антиномий невозможно (это означало бы, что язык остановился в своем развитии).

Так, конфликт говорящего и слушающего разрешается то в пользу первого, то в пользу второго: то в языке получает развитие "редуцированные" способы выражения - процесс, отражающий интересы говорящего, то, при других социальных условиях, начинают преобладать расчлененные формы и конструкции (что отвечает интересам слушающего). Например, в русском языке послеоктябрьского периода была сильна тенденция к сокращению наименований, к стяжению их в одно слово-аббревиатуру (этот

процесс затронул и чисто бытовые формы речи: ср. отражение его в литературе 20-х годов, например, в "Дневнике Кости Рябцева" Н.Огнева, "Республике ШКИД" А.Белых и Л.Пантелеева и др.¹ В современном языке наряду с аббревиатурами широко распространены расчлененные наименования типа инженер по технике безопасности, заместитель директора по кадрам, шагающий экскаватор и т.п., не сокращаемые до слоговых или инициальных аббревиатур.

Антиномия системы и нормы разрешается то в пользу системы — и тогда в узус допускаются формы, соответствующие системным возможностям языка, но противоречащие нормативной традиции, — то в пользу нормы, и тогда формы, разрешаемые системой, норма "отфильтровывает", оставляя в употреблении одни и запрещая другие. Например, в современном просторечии двувидовые глаголы подвергаются процессу имперфективации: от глаголов использовать, атаковать, мобилизовать, организовать и под. образуются формы использовывать, атаковывать, мобилизовывать, организовывать. Некоторые из этих форм (например, атаковывать, организовывать) допускаются в литературное употребление, однако в целом традиционная норма активно противится подобным инновациям (о нормативной оценке таких глагольных образований см., в частности, Обнорский 1935). Не исключена возможность, что в будущем, на следующих этапах развития русского языка имперфектные формы двувидовых глаголов (само образование которых не противоречит возможностям русской морфологической системы и свидетельствует о действии в языке тенденции к установлению одно-однозначных соответствий между формой языковой единицы и ее содержанием) войдут в литературное употребление, сделаются нормативными (подробнее об этом см. Мучник 1961, Русский язык... 1968, III, § 68).

Характерная для современной морфологии экспансия флексии —а (—я) в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода, распространение ее на все более широкий круг этих существительных — пример разрешения конфликта между системой и нормой в пользу системы. Однако в разных сферах русского национального языка этот процесс реализуется с неодинаковой степенью полноты: для профессиональной речи формы на —а (—я) естественны и органичны (ср. взвода

в языке военных, пеленга́ – у моряков, супа́ и торта́ – у поваров и кондитеров и т.п.), не менее частотны они в просторечии, где возможны даже очередя́, площади́ вместо очереди́, площади́, (т.е. экспансии флексии – а (-я) подвержены и существительные женского рода), а литературный язык, во-первых, тщательно фильтрует эти формы, пропуская в употребление одни и отсеивая другие, и, во-вторых, значительную часть уже допущенных в оборот форм ограничивает по сфере употребления (ср. словарные пометы типа "разг.", "прост.", "проф.", которыми снабжаются многие формы на –а́ (-я́).

Антиномией кода и текста М.В.Панов обозначил противоречие между набором языковых единиц (фонем, морфем, слов) и текстом, который строится из этих единиц. Чем меньше набор единиц, тем длиннее должен быть текст, и наоборот. В развитии языка действуют две противоборствующие тенденции: к сокращению – и, значит, упрощению – кода (набора единиц, знаков) и к сокращению, т.е. упрощению, текста. Разрешается это противоречие то в пользу кода, то в пользу текста.

Известный пример сокращения набора знаков в современной русской лексике – постепенное вытеснение из речевого оборота слов шурин, деверь, золовка и появление на их месте описательных наименований брат жены, брат мужа, сестра мужа. В последнее время такому вытеснению стали подвергаться и некоторые другие термины непрямого родства: вместо тестя́ все чаще говорят отец жены́, вместо свекровь – мать мужа́, вместо свекор – отец мужа́; заметим, однако, что слову теща́, которое в русской культурно-речевой традиции осложнено множеством коннотативных связей, подобное вытеснение, по-видимому, не грозит.

Пример увеличения кода: заимствование иноязычных слов для обозначения понятий, которые по-русски могут быть названы только описательно: блэ́минг – вид прокатного стана, сви́тер – вязаная фуфайка, надеваемая через голову, круиз – морское путешествие и т.п. (см. об этом Крысин 1968, 26–30). Можно было бы в подобных случаях обойтись и без заимствований, не увеличивая число знаков словарного кода. В таком случае пришлось бы пойти на удлинение текста – из-за употребления описательных оборотов, обозначающих указанные понятия. Ха-

рактерно, что в русском языке 20-х годов преобладали описательные, "разъясняющие" наименования, что было вполне понятно и оправданно в условиях демократизации литературного языка, приобщения к нему широких масс людей, которые раньше не владели литературной нормой (увеличение словаря путем новых иноязычных заимствований означало бы для них еще одну трудность в освоении литературного языка). Русский язык наших дней (т.е. второй половины XX века) идет по пути достаточно интенсивного заимствования и освоения новых иноязычных слов. Особенно заметен этот процесс в специальных терминологиях, в профессиональной речи.

Действие антиномий кода и текста также небезразлично к тому, в какой языковой подсистеме, в какой речевой среде она проявляется. Как правило, эта антиномия разрешается в пользу кода (он увеличивается) в социальнo замкнутых коллективах говорящих: ср. парадигматически детализированный и разветвленный словарь в профессиональных жаргонах, установление одно-однозначных соответствий между означаемым и одноэлементным означающим в специальных терминологиях и искусственных языках. Напротив, в социально не замкнутых, "текучих" коллективах, где языковые привычки говорящих постоянно испытывают воздействие речевых особенностей других групп, вливающихся в состав носителей данной языковой подсистемы, код сокращается, зато текст испытывает тенденцию к удлинению. Это естественно: в речи людей, составляющих подобные текущие коллективы, сохраняются лишь знаки, общие для всех членов коллектива. С помощью этого набора знаков (слов, аффиксов и т.п.) передается любое содержательное сообщение, причем объединение различных знаков, необходимое для выражения тех или иных смыслов (которым нет "однознакового" соответствия в коде), ведет к увеличению текста.

Антиномия регулярности и экспрессивности питается соответственно информационной и эмотивной функциями языка. Информационная функция наиболее последовательно выражается с помощью однотипных, стандартных, регулярно образуемых языковых средств (передача информации эффективна без наличия "шума", а в качестве такового может выступать неоднозначность или метафоричность языковой единицы, нестандартность ее структу-

ры и т.п.). Эмотивная функция, напротив, в своем выражении опирается на экспрессивную окрашенность языковых единиц, их идиоматичность, т.е. на такие свойства, которые "противопоказаны" стандарту.

Пример противоборствующих тенденций к регулярности и к экспрессивности — создание, с одной стороны, упорядоченных систем специальных терминологий в соответствующих подъязыках, со строго стандартными дефинициями и "прозрачными" отношениями между терминами внутри тематических групп, и, с другой, метафоризация общеупотребительных слов с целью создания экспрессивных профессионально-жаргонных аналогов к официальным терминам.

И эта антиномия, как легко видеть, не асоциальна: при одних условиях развития и функционирования языка, в одних коллективах говорящих легче побеждает тенденция к регулярности, при иных социальных условиях и в иных социальных группах — тенденция к экспрессивности. Так, в развитых литературных языках, особенно в книжной разновидности каждого из них, рельефно проявляется тенденция к регулярности: это способствует стабильности литературной нормы, а в групповых (профессиональных и социальных) жаргонах сильна тенденция к экспрессивности.

Как видно на примере рассмотренных антиномий, разрешение каждой из них в пользу то одного, то другого из противоборствующих начал зависит от конкретных условий функционирования языка в данном обществе; иными словами, хотя сами антиномии внутренне присущи языку и характеризуют собственное его развитие, их действие с о с ц и а л ь н о о б у с л о в л е н о.

В качестве такого обуславливающего начала выступают с о с ц и а л ь н ы е ф а к т о р ы. Социальные факторы неодинаковы по своему влиянию на язык, имеют разную лингвистическую значимость. Одни из них, г л о б а л ь н ы е, действуют на все уровни языковой структуры, другие, ч а с т ь н ы е, в той или иной мере обуславливают развитие лишь некоторых уровней.

"Что же надо считать внешними, собственно социальными факторами развития языка? Изменение круга носителей языка, распространение просвещения, территориальные перемещения на-

родных масс, создание новой государственности, по-новому влияющей на некоторые сферы языка, развитие науки и т.д. и т.п. — все это прямо или косвенно меняет условия бытования языка. Число этих факторов, влияющих на язык, огромно" [Русский язык... 1968, I, 34-35].

Примером глобального социального фактора является изменение состава носителей языка. Оно ведет к изменениям в фонетике, в лексико-семантической системе, в синтаксисе и, в меньшей степени, в морфологии языка. Так, изменение состава носителей русского литературного языка после революции повлияло на произношение (в сторону его буквализации), на словарь (заимствование слов из диалектов и просторечия повлекли за собой перестройку парадигматических отношений между элементами словаря), на синтаксис (в литературный оборот были вовлечены конструкции, до тех пор распространенные лишь в просторечии и диалектах), на морфологию (например, увеличилась частотность форм на -а (-я) в им. падеже множ. числа существительных мужского рода, особенно характерных для профессиональной речи и просторечия).

Пример частного социального фактора — изменение традиций усвоения литературного языка. Раньше преобладала устная традиция — в семейном общении. В новых социальных условиях (после революции) стала распространяться и даже преобладать форма приобщения к литературному языку через книгу. Этот фактор повлиял главным образом на нормы произношения: наряду с традиционными произносительными образцами стали распространяться новые, более близкие к орфографическому облику слова: например, произношение [шн] в словах типа коричневый, сливочное (масло), гречневая (каша) и подобных было вытеснено произношением сочетания [чн]; в словах скудный, скудно, прачечная, булочная и нек. др. процесс такого вытеснения наблюдается в наши дни.

Каков же характер воздействия социальных факторов на развитие языка? Этот вопрос интересует Панова-диахрониста в связи с эволюцией русского языка в XX веке, в частности — в связи с изменениями его фонетической системы.

Идущая от Е.Д.Поливанова идея не о непосредственном, а лишь об ускоряющем или замедляющем влиянии социальных факто-

ров на языковые процессы нуждается в конкретизации. Первый шаг на пути конкретизации — мысль о том, что влияние социального на язык не может быть деструктивным, разрушающим [Панов 1962, Русский язык... 1968, I, 35]². А каков "созидающий" эффект социального воздействия на язык? В работе [Панов 1988] дан глубокий и в то же время наглядный анализ влияния различных факторов на изменения в фонетике. Не все из этих факторов кажутся социальными, но это лишь на первый взгляд: как было убедительно показано в [Русский язык... 1968], даже внутренние стимулы развития языка не асоциальны — они в той или иной степени подвержены влиянию социальной действительности.

Теория языковых антиномий и связанные с ней размышления о характере социальных воздействий на язык получили отражение как в только что упомянутой монографии 1968 года (и связанных с ней публикациях: см., например, [Русский язык... 1962, Панов 1962, 1963, 1966]), так и в более поздних по времени работах Михаила Викторовича (см., в частности, [Панов 1988, 1990]).

Не будет, однако, неправды в утверждении, что по основным своим лингвистическим склонностям и интересам М.В.Панов — синхронист: он любит рассматривать факты языка не в их эволюции, а в их отношениях друг с другом. И даже в работе [Русский язык... 1968], посвященной развитию языка, сказалась его "синхроническая" натура: он предложил эволюцию русского языка анализировать по определенным с и н х р о н н ы м с р е - з а м , что дает возможность сравнивать разные этапы развития языка.

Основные же идеи Панова-синхрониста, касающиеся социальной обусловленности языка, нашли выражение в его концепции м а с с о в о г о о б с л е д о в а н и я русской речи.

II

Одни из идей, образующих эту концепцию, касаются социально обусловленных подсистем современного русского языка, другие воплотились в предложенных и разработанных М.В.Пановым приемах обследования говорящих и их речевой практики.

Так, М.В.Панов первым высказал мысль о существовании особого разговорного языка (РЯ) – первоначально на материале наблюдений над разговорным синтаксисом [см. Русский язык... 1962, 77, 97] – как коммуникативной системы, которой пользуются в условиях непринужденного общения носители литературного языка. Представление о РЯ как об особой и при этом самодостаточной подсистеме, имеющей определенные условия своей реализации³, опровергала распространенный взгляд на разговорную речь как на стилистическую разновидность ("обиходно-разговорный стиль"⁴) литературного языка. Выраженная в заостренной и даже категорической форме, мысль о самодостаточности РЯ казалась многим русистам маловероятной. Однако по мере конкретизации этой мысли в инициированной М.В.Пановым серии работ по русской разговорной речи [см.: РРР-1973, РРР-Тексты-1978, Земская и др. 1981, РРР-1983, Разновидности 1989] она утратила свою первоначальную декларативность, превратилась в обоснованную языковыми фактами теорию.

Убедительность этой теории не в последнюю очередь определяется тем обстоятельством, что исследователи русской разговорной речи ведут м а с с о в ы е записи, анализируют речь многих десятков информантов. Делается это для того, во-первых, чтобы получить надежные, объективные данные, избежать случайных и односторонних выводов, и, во-вторых, чтобы выявить социально обусловленные различия в реализации разговорного языка⁵. Такие различия особенно заметны в произношении. При этом они "многоплановы", т.е. зависят от разных характеристик носителей литературного языка, разных социальных условий его существования. Вот как пишет об этом М.В.Панов"

"Нормы литературного произношения в современном русском языке в значительной степени вариативны. Желательны эти варианты или нет, они должны быть изучены.

Существуют территориальные разновидности литературного произношения: московская, ленинградская, южнорусская, средневолжская и т.д. Особо надо отметить разновидности литературного русского произношения, возникающие в условиях двуязычия: на Украине, в Грузии, Литве, Татарии и т.д., а также в некоторых странах за пределами Советского Союза.

В каждой такой локальной разновидности литературного

языка существуют различия в произношении между поколениями и между социальными группами.

Существуют вместе с тем и внутерриториальные разновидности литературной речи: это сценическая и радиоречь. В действительности они внутерриториальны только в идеале; реально различаются нормы в разных театрах и внутри театров — у разных поколений.

Наконец, каждая из этих разновидностей должна быть изучена в ее стилистических вариантах.

Существенны лишь типические черты каждой из этих разновидностей произношения; следовательно, необходимо массовое фонетическое обследование" [Панов 1966, 173]⁶.

Необходимость массового обследования говорящих первоначально и была обоснована применительно к изучению литературного произношения⁷. С этой целью М.В.Панов составил "Вопросник по современному русскому литературному произношению" (М., 1959 и 1960). Этот вопросник замечателен несколькими присущими ему свойствами.

Во-первых, он опровергает бытующее среди лингвистов высокомерное мнение об анкетном методе изучения произношения как о "бумажной фонетике": с помощью искусно составленных контрольных вопросов здесь удается ослабить влияние на информанта внешнего облика слова, его орфографии, отвести, забраковать (и, стало быть, в дальнейшем не учитывать) ответы тех, кто "не слышит себя", а также тех, у кого проявляются диалектные произносительные навыки; наконец, разная форма вопросов об одном и том же фонетическом явлении позволяет увеличить надежность ответов информантов, заполняющих вопросник. И все же вопросник есть вопросник: при использовании его как инструмента фонетического обследования говорящих сохраняется опасность получить искаженную, смещенную картину произносительных навыков носителей языка. Чтобы избежать этой опасности, нужны данные объективные, характеризующие на самооценку информанта, а его спонтанную (или приближенную к спонтанной) речь.

И М.В.Панов дополняет анкетную ("вопросничную") методику другим приемом изучения произносительной нормы — чтением специально составленного текста. Такой текст, максимально непри-

нужденный и естественный по стилю, М.В. составил и обосновал его с точки зрения включенных в текст фонетических явлений и с точки зрения методики записи его чтения [Панов 1966]. Сейчас этот хорошо известный среди фонетистов рассказ о леснице Антониче не только широко используется в экспериментальных социофонетических исследованиях, но и модифицируется, дополняется в зависимости от конкретных задач исследования (см., например, работы: [Григорьева 1980, Кильцова 1987, Бебриш 1990], где применена разработанная М.В.Пановым методика экспериментального социофонетического анализа русского литературного произношения в его вариантах).

Во-вторых, вопросник позволил получить массовый материал: с его помощью было обследовано несколько тысяч носителей современного русского литературного языка. Тем самым в значительной степени был ослаблен фактор случайности, неизбежный при простом (пусть даже и повторяющемся) слуховом наблюдении за спонтанной речью.

В-третьих, социологическая анкета, предваряющая вопросник и содержащая лингвистически значимые характеристики говорящих (возраст, пол, уровень образования, знание иностранных языков, профессию, территориальную принадлежность и нек. др.), обеспечивает возможность проследить и выразить количественно целый ряд зависимостей между фонетическими навыками информантов и их социальными параметрами.

В-четвертых, вопросник хорош как инструмент повторных массовых обследований. Например, для выяснения динамики социофонетических процессов, тех изменений, которые претерпевает произносительная норма во времени, можно распространить вопросник среди информантов, имеющих те же (или близкие) социальные характеристики, что и в первом обследовании. Заметим, что при обычных слуховых наблюдениях это условие трудновыполнимо.

Вслед за "Вопросником по произношению" и по его образцу под руководством М.В.Панова были составлены вопросники по морфологии, словообразованию, лексике. Значительная часть социолингвистического материала, полученного с помощью этих вопросников, была обработана, прокомментирована и опубликована в работах [Русский язык... 1968, Русский язык... 1974], [Социаль-

нолингвистические исследования 1976].

Социофонетические и, шире, социолингвистические исследования говорящих важны для теории языка, в частности для теории литературной нормы: они позволяют представить норму в виде сосуществующих систем, обусловленных социальной неоднородностью носителей литературного языка. Но такие исследования дают необходимую основу и практическим рекомендациям относительно тех или иных нормативных образцов. Так, "социофонетика помогает орфоэпии": она устанавливает "реальную, а не мнимую распространенность норм" [Панов 1979, 211]. Рекомендую тот или иной способ произношения как более предпочтительный, лингвисты могут опираться на данные социофонетических исследований. Другое полезное свойство социофонетического подхода к изучению произношения: "социофонетика помогает понять фонетические законы", так как данные социофонетических исследований нередко свидетельствуют об укреплении одних фонетических закономерностей и ослаблении других - например, о возрастании различительной способности твердых и мягких согласные перед [э] [Панов 1979, 213, 214].

Одной из характерных черт Панова-социолингвиста является его приверженность языковой реальности, произносительному факту. Эта черта только внешне кажется противоречащей известной любви Михаила Викторовича к геометризму теоретических построений. В действительности тщательное изучение фактического состояния произносительной нормы на том или ином синхронном срезе языка укрепляет фонетическую теорию, способствует ее геометризму.

Такова, например, роль фонетических портретов - описаний индивидуальных произносительных навыков и привычек тех или иных людей (деятели культуры, актеров, поэтов, лингвистов и др.). Эти навыки и привычки не просто находятся в пределах литературной нормы (данного времени) - они являются ее образцами; они характеризуют экспрессивно-стилистическое использование фонетических средств говорящим [Панов 1990, 14]. Хотя по форме фонетический портрет индивидуализирован (см. в указанной работе фонетические портреты А.А.Реформатского, В.Н.Яхонтова, А.А.Вознесенского, Е.Д.Турчаниновой, В.Н.Рыжовой, Д.Н.Ушакова, А.С.Пушкина, Л.Н.Толсто-

го, Петра Первого, М.В.Ломоносова и других – книга построена именно так: от современности к началу XVIII века), одновременно он отражает особенности определенной социально-языковой среды, представителем которой является "портретируемый". Да это видно и из обоснований автором выбора "моделей" для создания портретов: они принадлежат к тому или иному поколению, социальному слою, в их речи прослеживается определенная культурная (театральная, поэтическая, бытовая...) традиция, нередко локально или профессионально ограниченная: ср. противопоставление московской и петербургской (ленинградской) произносительных традиций, роль Малого театра как непрерываемого речевого авторитета в конце XIX – начале XX вв. и т.п. [см. Панов 1990, 59, 159, 253, 418].

Поэтому сама идея фонетического портрета и ее воплощение в ряде блестящих портретных описаний, данных в указанной книге М.В.Панова, важны и плодотворны для социолингвистики. Расширяя перечень составляющих портрет характерных признаков путем привлечения морфологических, синтаксических, лексических черт, особенностей стилистического использования единиц различных уровней языка, можно создавать уже не фонетические, а лингвистические портреты, точнее – социолингвистические, поскольку описание языковых особенностей того или иного человека почти всегда означает и характеристику его как представителя определенной социальной среды.

х х х

Заканчивая этот краткий и неполный очерк социолингвистических взглядов М.В.Панова, хотелось бы подчеркнуть, что его идеи недостаточно оценены в современной социолингвистике. Они признаны и развиваются прежде всего в науке о русском языке, в исследованиях по современной русской фонетике, по разговорной речи. Но несомненно, что они имеют и более широкое теоретическое значение, так как указывают перспективные и плодотворные пути изучения языка (не только русского) под социальным углом зрения.

Примечания

1. Ср.: " - Ну, довам, - сказал я на прощанье. - Это как же понимать? - Доволен вами, это вместо "спасибо". Спасибо - это ведь спаси бог и, значит, - религиозное" (Н.Огнев. Дневник Кости Рябцева).

2. Правда, из этого общего правила бывают исключения: "Лишь в редких случаях социальное воздействие приводит к скрещиванию разных языков, создающему новое целое, причем одна из образующих систем формирует субстрат, а другая - суперстрат в этом новом целом. Исходные языковые системы при этом, естественно, перестают существовать для данного языкового коллектива - и в этом смысле они разрушаются" [Русский язык...1968, I,35].

3. "Для того, чтобы в речи объявился, "обнаружился" РЯ, нужны определенные условия. Основное - неофициальные отношения между говорящими... На РЯ говорят в тех случаях, когда нужно показать, что отношения между говорящими дружеские, приятельские, добрососедские, отношения хороших знакомых или незнакомых, но расположенных друг к другу людей. Таким образом, РЯ говорит о самом говорящем и о его собеседнике (или собеседниках), об их отношениях" [Панов 1990, 19].

4. М.В.Панов не отрицает существование особого разговорного стиля, который находится в пределах кодифицированного литературного языка и выражается в подборе специфической лексики, иногда - специфических синтаксических конструкций; фонетических признаков у разговорного стиля нет. Приравнивать разговорный язык и разговорный стиль кодифицированного литературного языка нет никаких оснований [Панов 1979, 220].

5. М.В.Панов разграничивает термины "разговорный язык" и "разговорная речь": "Разговорной речью называем такую, в которой реализуется разговорный язык. Иногда разговорный язык условно называют разговорной речью, но оговаривают эту условность" [Панов 1979,220]. В современных работах по русской разговорной речи принято именно такое условное употребление термина "разговорная речь".

6. Конечно, самостоятельность каждой такой локальной разновидности не стоит преувеличивать: это, скорее, та или

иная (диалектная, обусловленная иноязычным окружением и т.п.) окраска литературной речи (см. об этом: [Ерофеева 1979, Кризин 1989]), и, безусловно, М.В.Панов прав, когда на основании сопоставления различных локальных черт литературного произношения приходит к выводу: "сложение целостных локальных подсистем русского литературного языка маловероятно" [Панов 1990, 55].

7. Примечательна перекличка идей и методов социофонетических исследований М.В.Панова с идеями и методами американского социолингвиста У.Лабова, разработавшимися примерно в те же годы (первая социофонетическая статья У.Лабова была опубликована в 1964 году: см. [Лабов 1964]). И у Панова, и у Лабова — ясное понимание вариативности как естественного свойства языка (даже нормированного); четкая ориентация на речевую реальность, в которой проявляется зависимость произносительных навыков от возрастных, социальных, территориальных и других характеристик говорящих; последовательно выраженное стремление количественно измерить наблюдаемые произносительные различия; наконец, для обоих характерна изобретательность в методике социофонетического обследования носителей языка. (Разумеется, есть и значительное несходство этих двух ученых во взглядах на язык, в понимании задач лингвистики, но здесь речь не об этом).

Литература

- Баранникова 1970 — Баранникова Л.И. Проблемы социальной лингвистики в развитии советского языкознания // Язык и общество. Вып.2. Саратов, 1970.
- Бобрин 1990 — Бобрин Н.Н. Социолингвистическое исследование локальных особенностей литературного произношения (заударный вокализм в речи интеллигенции г. Красноярск). АКД. Свердловск, 1990.
- Григорьева 1980 — Григорьева Т.М. Социолингвистическая обусловленность произносительной нормы в условиях диалектного окружения (на материале ассимилятивного смещения согласных в современном русском языке). АКД. М., 1980.
- Гухман 1972 — Гухман М.М. У истоков советской социальной

- лингвистики // Иностранные языки в школе, 1972, № 4.
- Ерофеева 1979 - Ерофеева Т.И. Локальная окрашенность литературной разговорной речи. Пермь, 1979.
- Жильцова 1987 - Жильцова Т.П. Социолингвистическое исследование локальных особенностей русского литературного произношения (предударный вокализм в речи жителей г. Красноярска). АКЦ. Томск, 1987.
- Земская и др. 1981 - Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
- Крысин 1981 - Крысин Л.П. Е.Д.Поливанов - социолог языка // Русский язык в школе, 1981, № 2.
- Крысин 1968 - Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.
- Крысин 1989 - Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
- Лабов 1964 - Labov W. Phonological correlates of social stratification. - American Anthropologist, vol.66, no.6.1964.
- Мучник 1961 - Мучник И.П. Двувидовные глаголы в русском языке // Вопросы культуры речи, вып.3. М., 1961.
- Обнорский 1935 - Обнорский С.П. Глагол использовать - использовывать в современном русском языке // Язык и мышление. Т.3-4. М., 1935.
- Орлов 1969 - Орлов Л.М. Из истории советской социальной лингвистики 20-30-х годов // Уч. зап. Волгоградского пединститута. Вып.2. Волгоград, 1969.
- Панов 1962 - Панов М.В. О развитии русского языка в советском обществе // Вопросы языкознания, 1962, № 3.
- Панов 1963 - Панов М.В. О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX века // Вопросы языкознания, 1963, № 1.
- Панов 1966 - Панов М.В. О тексте для фонетической записи // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966.
- Панов 1972 - Панов М.В. О литературном языке // Русский язык в национальной школе, 1972, № 1.
- Панов 1979 - Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.

- Панов 1988 – Панов М.В. О причинах фонетических изменений // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М., 1988.
- Панов 1990 – Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII–XIX вв. М., 1990.
- Разновидности 1989 – Разновидности городской устной речи / Под ред. Земской Е.А. и Шмелева Д.Н. М., 1989.
- РРР–1973 – Русская разговорная речь / Под ред. Земской Е.А. М., 1973.
- РРР–Тексты–1978 – Русская разговорная речь. Тексты / Под ред. Земской Е.А. и Капанадзе Л.А. М., 1978.
- РРР–1983 – Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Под ред. Земской Е.А. и Китайгородской М.В. М., 1983.
- Русский язык... 1962 – Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962.
- Русский язык... 1968 – Русский язык и советское общество. Кн. I–IV. / Под ред. Панова М.В. М., 1968.
- Русский язык... 1974 – Русский язык по данным массового обследования. Опыт социально-лингвистического изучения / Под ред. Крысина Л.П. М., 1974.
- Социально-лингвистические исследования / Под ред. Крысина Л.П., Шмелева Д.Н. М., 1976.